

Какая религия нам нужна сегодня? Религия без идеализма. 22 июня 2022

<https://youtu.be/6VDVWlbsoco>

Я хочу вернуться к тому тезису, с которого начал, что мы сейчас живем в мире, когда идеализм – это уже фаса, когда идеализм уже не катит. Он не катит ни в науке, ни в философии, ни в религии. Вот моя теза.

Тут очень интересная фраза: «изображать, рисовать» образ Христа. Что это значит? Это значит, что я пытаюсь медитировать на этот образ, надеясь, что это пробудит во мне какие-то кошерные мысли. Но это та же самая концепция медитации в Хасидуте и везде.

Комментарий Паши:

- А может быть, это то, что раньше я назвал словом «лепить из глины», менять свой образ, рисовать не только на уровне мозговом, но и преобразовывать себя, прилагать усилия, чтобы я походил на образ Первого Адама.

- Если человек будет постоянно смотреть на этот образ, то он приобретет какие-то свойства этого образа. Но это все равно самоугаваривание.

- Хорошо. Поскольку этот образ, который я рисую, который проявляется во мне, очищается, он становится откровением. Я иду по улице и весь сияю божественным. Меня останавливает человек и говорит: «Да ты же светишься!»

- Еврейские практики такие же абсолютно практики.

- Тогда мне вообще не нужно никаких подтверждений, мне не нужно никаких систем. Я получаю подтверждение, что я на правильном пути. И это становится основным критерием, не соответствие какой-то системе, но соответствие тому, что кто-то во мне распознает действия Всевышнего. Может быть, так? Я рассуждаю. Мне кажется это очень неплохим критерием.

- Прекрасный критерий. Вопрос: это сегодня работает или нет? Это работает для всех или это работает для особо одаренных? Или это могут быть простые люди? Предположим, это работало для каких-то очень сильно просветленных людей 200 лет назад, так же как методики Алтер Ребе. Вопрос: что сегодня?

Я бы начал с науки. Есть такое выражение, наверное, это в Мишлей: «Знай Б-га своего отца, и служи Ему цельным сердцем». Есть даже такое хабадское выражение, что Хасидут приводит человека к цельности сердца.

Как я могу сказать, что мое сердце цельное, если вся та наука, на которую я молился в первой половине своей жизни, мне сказали: «Выброси это в мусор»? Пока я не найду цельности сердца, еще до того, как я доберусь до Б-га - еще надо понять, кто такой Б-г, и так далее, тоже есть разные определения. Пока я не доберусь до цельности сердца, до того, чтобы не отрезать от себя куски и выбрасывать их. Это предварительный этап веры.

- На самом деле, в этом тексте не хватает третьей части, которая говорит о цельности сердца. Я абсолютно понимаю. Но цельность сердца в таком случае – что это такое?

- Я бы сказал, что цельность сердца – это согласованность с какими-то базовыми представлениями современного мировоззрения, современной науки. Для меня.

- То есть не чувствовать себя вырванным из мира?

- Да, очень хорошо ты определил. В конечном счете, особенно, прочитав такой текст, как вчерашний Гинзбург, я подумал: в каком средневековье я живу. Кто это сказал, откуда это известно? Кто-то когда-то это написал, потому что кто-то когда-то это развил.

Еще раз. Критерий, как говорит Эли Шейнфельд, критерий – это «очевидность». Я могу это почувствовать внутри себя с большим или меньшим напряжением или нет? Рамбам пишет, что человек только задумается о любви к Б-гу и сразу почувствует любовь к Б-гу, помнишь это место? И, соответственно, рав Гинзбург задает вопрос: а для меня это так или нет? И пишет целую книгу, чтобы построить лестницу – как к этому дойти. Но я уверен, что даже пройдя по этой лестнице, я все равно к этому не приду, это все равно будет самоугovor. Я должен начать с чего-то, что для меня очевидно.

- Тогда это и есть историчность, реализм. То, что я пытаюсь иногда выразить, мне очень трудно найти терминологию для этого. Быть привязанным к жизни... я не говорю – к историческому моменту, исторический момент уже звучит абстрактно. Не погруженным в жизнь, не отрываться, не давать волю своим фантазиям... Я не знаю, как это назвать, по всей видимости, речь идет именно об этом. В таком случае я понимаю, почему на самом деле настолько сильно все время упирается... истинная религиозность не может быть где-то за облаками. Истинное откровение может быть только в истории. Я уже лозунг сказал, это уже опасно звучит.

- Знаешь, как я бы сказал, без лозунгов? Чем хороша книга Розенцвейга, которую мы пытаемся читать? Он начинает с чего-то, совершенно ощутимого. «Человек боится смерти». Так или не так? Когда я читаю эту фразу, говорит, вся философия, можно сказать, вся религия начинается со страха перед смертью. Я читаю и спрашиваю: для меня это очевидно или нет? Да.

- А я как раз ответил: нет. Сам вопрос был поставлен.

- Каждый человек должен искать какую-то основу, которая останется, даже если все остальное рухнет. И на этом он может построить свою веру, свою религию.

- Опять же, возвращаясь к тому, с чего мы начинали, к примеру, Святого Еврея. Основа Святого Еврея не была основана на системе, правильной системе Отцов, которые говорят, что молитвой ты можешь то, се, пятое, десятое. Я не знаю, насколько она была реалистичной, это уже другой вопрос. Но мера в таком случае реализма, она мне принадлежит.

- Да. Но для него эти все истории про наших святых цадиким, они реально жили в этом, они реально ощущали это. Как пророки до разрушения Храма. И как народ в общем до разрушения Храма. Но Храм разрушен. Что значит – Храм разрушен? Как объясняет

Шейнфельд, непосредственное ощущение Б-га разрушено в большинстве из нас. Возможно, здесь присутствует кто-то, для кого это не так, я за них рад. Но для меня непосредственное ощущение Б-га разрушено и, скорей всего, никогда не существовало. Иногда что-нибудь проявляется, что я могу условно назвать божественным.

- Но невозможно ведь ощущение Б-га на абстрактном уровне? Или возможно?

- Вся идея, что человек приходил в Храм и видел Б-га. Мы не знаем, что это значит. Храм разрушен, мы сейчас не видим Б-га, в большинстве своем. Вопрос: что не разрушено, на чем можно это построить? Розенцвайг начинает с идеи страха смерти. Хорошее начало. Левинас говорит про этику, тоже хорошее начало. Но он начинает с каких-то земных понятий.

- Я люблю про любовь к жизни. Прилепиться к жизни.

- Любовь к жизни и страх смерти – это, в принципе, одно и то же. На самом деле, это то, что Розенцвайг имеет в виду. Получается, что мы говорим об одном и том же.

- Не согласен. Нет у меня страха смерти.

- Потому что ты не сидишь 3 года в окопе. А в принципе он говорит о жизни, естественно.

- Тогда мы говорим о реализме. Идеализм, который противопоставляется реализму жизни, реальности жизни.

- Да, эмпиризм – реальность жизни. И пока мы не найдем эту основу...

Я уже второй раз повторил свой совершенно неприличный пост и повторю его здесь. Один из моих американских друзей мне написал: «Почему некрофилия – это плохо? Ведь если ты бросаешь зерно в землю, из него растет потом что-то красивое. Так это же хорошо». И он задал мне дебильный вопрос: «Чем некрофилия отличается от этой ситуации зерна, которое в земле?»

Сначала я его хотел послать, естественно, он был у меня забанен не один раз и не два. Но недавно мы помирились и я подумал и ответил: «Смотри. Когда у тебя есть эта девушка, которая только что умерла, она еще не разложилась, и ты хочешь иметь с ней дело, то это смертный грех. Если она разложилась и превратилась в перегной, то из этого все растет».

Что это значит на нормальном языке? Это значит, что если наши тексты, наши святыне тексты, если мы их берем как они есть, то это некрофилия. А если мы делаем им деконструкцию, это как раз слово «деконструкция», может быть, объясняет все... Это значит – разлагаем их до фраз, до текстов, до концепций, до моделей, но не применяем их напрямую. Тогда из этого может вырасти что-то другое.

- Это то, что я называю перевариванием, не пережевыванием даже, а именно перевариванием, полным разложением. Только тогда мне это может дать силы, только тогда я это могу усвоить.

- Я могу это выразить другой фразой, которую я в свое время прочитал у Шагара и с тех пор она мне безумно нравится. Он говорит: Тора – это язык. Тора предыдущего поколения – это язык для следующего поколения. То есть образы, символы, буквы, слова – это только язык,

на котором мы говорим. Переварить – мало. Надо на этом языке сформулировать что-то значащее. Но совсем не значит переварить. Переварить – это «твоя Тора в моих кишках», как говорит Царь Давид.

- *Это дает мне силу жить.*

- При условии, что это дает тебе силу жить.

- *А уже если я буду жить, я там чего-нибудь наворочу.*

- Тогда вопрос в том: дает ли этот текст тебе энергетику или нет? Пока дает, пожалуйста.

У меня вчера был такой диссонанс от книги «Душа». Когда-то эти тексты пробуждали во мне какие-то добрые чувства. И вдруг все ушло. И это полный брох, что называется. И первым делом ты начинаешь думать: «Может, надо делать тшуву? Как я низко упал, какой я стал некошерный, начал читать некошерные книги и прочее». То есть, естественно, это все присутствует. Потому ты думаешь: «Какого черта?» Ты понимаешь, что в конечном счете получается, что эта 40-летняя у меня борьба между наукой и религией и постоянная попытка запихнуть науку куда-то в бессознательное... Сегодня я пошел в библиотеку сдавать свои книжки и взять новые, взял две книжки по истории. Можем ли мы построить какую-то более-менее нормальную модель, не прибегая к мифологии, которая хороша для маленьких детей? Отличный вопрос.

Феноменология – отличное слово. Что мы реально ощущаем? Стремление к запредельному? Мы реально ощущаем, ставим галочку. Десять характеристик Б-га или три характеристики Б-га? Об этом написано в книгах, ставим «минус». И так далее. Мы таким образом должны проанализировать все эти концепции: происхождение еврейского народа от Авраама, Ицхака и Иакова. Мы читали Кноля и, может быть, надо почитать еще чего-нибудь на эту тему, есть какая-то популярная книжка на русском. «Минус». И так далее. То есть проанализировать хотя бы какие-то базовые понятия и спросить, что останется от религии. Совесть? Да, это какой-то интересный механизм, который почему-то рав Гинзбург отвергает, который может указывать на то, что существует какая-то высшая психологическая сфера.

О такой переработке я говорю. И тогда мы поймем, что на этом уровне различия между христианством и иудаизмом стремятся к нулю.

- *Абсолютно согласен. Хотя, с другой стороны, существуют какие-то вещи, которые трудно описать концепциями. Например, желание Б-га. Его можно описать концепцией или нет?*

- Желание запредельного. Это как раз та самая концепция Левинаса. Стремление к запредельному, которое никогда не будет удовлетворено, что интересно.

- *Естественно. Желание запредельного, оно естественно. Желание Б-га – это уже религиозная концепция, которая поддается описаниям и спекуляциям. Желание запредельного – на нем нельзя спекулировать. Можно сказать, что Всевышний отделен от мира – на этом можно спекулировать. Можно сказать, что Всевышний абсолютно другой – тут никакая спекуляция вообще невозможна.*

- Правильно. Я говорю, что нам нужны, по крайней мере на моем этапе развития, нам нужна какая-то концепция, неважно, иудейская, христианская или посередине, которая не противоречит науке. Которая не навешивает на Всевышнего какие-то дополнительные фичеры.

В такого Б-га я готов верить. Версия, которая изложена в Хумаше – прекрасно, это язык, на котором я готов разговаривать с маленькими детьми. Но мне он уже ничего не говорит. Что значит – выгнать из Ган Эйдена? Выгнать из Ган Эйдена – выкинуть из привычного ощущения, когда эти понятия понятны.

- У меня хорошее сравнение появилось. Шпидлик говорил о христианском ощущении: образ, который испачкан, и эту грязь нужно смести для того, чтобы он засиял. Это та вещь, которую мы постоянно применяем в жизни. Я где-то внутри грязи, мне нужно сметать грязь. Хумаш – непонятен, поэтому мне нужно сметать исторические восприятия для того, чтобы понять, как это должно быть. Мне во всем нужно что-то сметать. А когда жить реально-то современным днем и сегодняшним моментом? И получается, что мы все время или живем по сказкам другим, или все время что-то расчищаем. Мы как религия дворников, мусорщиков, мы все время с чего-то стираем пыль. А я не согласен с этим, я так не хочу жить, это ужасно.

- А теперь вспомним концепцию Рабби Нахмана. Он был кошерный еврей, в этом нет никаких сомнений, по крайней мере, не по всем мнениям. У Рабби Нахмана есть какая-то Тора, где он говорит, что надо «держаться за рога жертвенника». И дальше он говорит, что держаться за рога жертвенника – это значит соединиться с общностью душ Израиля. Там такая фраза есть. Все, что я помню из этой Торы.

Что значит соединиться с общностью душ Израиля или всего мира? Когда я говорю то, что 90% людей цивилизованных, во что они верят, как они смотрят на мир и все остальное, когда я говорю: «Это все полная чушь», я разве не «разрезаю» себя, я разве не отрезаю себя от мира? И разве на глубинном уровне моей души я не чувствую эту рану?

- Очевидно, да. Это очевидно.

- Это ощутимо. Это не просто верить в теорию Дарвина или нет, это также соединяться с душами, которые верят в это. По крайней мере, рассматривают это как концепцию, души, которые верят в то, что человек произошел от обезьяны, или что человечество существует 7 тысяч лет или 700 тысяч лет, тогда, отрываясь от этого, я пошел по какой-то боковой дороге, как говорит Рабби Нахман. Уверен ли я, что я найду там принцессу? Вот вопрос. Рабби Нахман говорит: иди по боковой дороге. Но тогда большинство мира еще верило. Сейчас это не так.

Я бы сказал, что это проблема. Поэтому Левинас прекрасен. Он не предлагает никаких концепций, которые бы утягощали понятие Б-га. И даже Эли (Шейнфельд), когда говорит слово «Б-г», то он говорит: «Я извиняюсь, я не хотел вас обидеть». Но это же принципиально важно. Если мы не можем на одном языке разговаривать с людьми, которые живут в этой стране, что будет? Поэтому для меня это принципиально.

Карлебах, безусловно, говорит о вещах, которые для него интуитивно ясны. Потому что он вырос в такой семье. Потому что он получил такое образование и т.д. Поэтому он говорит о вещах, которые ему интуитивно ясны. И нам, хотя мы находимся в другом измерении, нам

эти вещи тоже интересны, потому что чувствуется человек, который говорит из своего сердца. Но если мы будем просто повторять это, а тем более медитировать над этим, ну и что будет? Обезьянничество, вот и все.

Кто-то повесит у себя над кроватью Любавичского Ребе.

- А кто-то повесит икону Иисуса Христа, с точно таким же успехом.

- Дева Мария тоже подходит. А вы не читали там, правда, на иврите, была замечательная история об одном еврее, который взял какой-то медальон Девы Марии и через пару недель вообще крестился и построил монастырь? Текст был на иврите, я поленился его переводить. Но можно на каком-то уроке с удовольствием его прочитать. Очень интересно. Просто этот монастырь, это имя на слуху – Ретисибонский монастырь в Иерусалиме. Он тесно связан с историей поселения в Кфар Эционе. Поэтому когда я увидел это слово, я сразу сказал: мне это интересно.

Такую переработку я имею в виду, а не просто давайте «съедем» все книжки и они у нас внутри переработаются.